

РИЧАРД
ФРИМЕН

Ричард О. Фримен (1862—1943) —
известный английский врач и писатель,
создатель обаятельного персонажа —
доктора Торндайка, который проводит
расследования, опираясь не на
дедуктивные способности,
а на научные методы поиска улик.

РИЧАРД
ФРИМЕН

ПОЮЩИЕ
КОСТИ

.....

ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф88

Серия «Золотой век английского детектива»

Перевод с английского *Н.С. Ломановой* («Поющие кости»),
Л.Г. Мордуховича («Тайны Д'Эрбле»)

Компьютерный дизайн *Я.Е. Половцовой*

Фримен, Ричард О.
Ф88 Поющие кости. Тайны Д'Эрбле : [сборник] / Ричард
О. Фримен ; [пер. с англ. Н.С. Ломановой, Л.Г. Мордухови-
ча]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 480 с. — (Золотой
век английского детектива).

ISBN 978-5-17-089472-7

В знаменитом сборнике рассказов «Поющие кости» доктор Торндайк расследует таинственные и запутанные преступления: кражу крупной партии бриллиантов, загадочное убийство управляющего помещьем, дела о шантаже, мошенничестве и другие.

Во время прогулки у озера молодой врач Стивен Грей обнаруживает на берегу тело скульптора Д'Эрбле. Но как там оказался скульптор? При каких обстоятельствах погиб? Полиция теряется в догадках, и тогда Стивен Грей просит своего коллегу доктора Торндайка провести частное расследование.

А вскоре и жизнь самого Стивена оказывается в смертельной опасности...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089472-7

© Перевод. Н.С. Ломанова, 2015
© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ПОЮЩИЕ
КОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Особое построение первых четырех рассказов настоящего сборника, вероятно, удивит читателей и критиков. Поэтому требуется разъяснение подхода к изложению текста, которое я и предлагаю вашему вниманию.

В традиционных детективных историях все концентрируется вокруг главного вопроса — кто совершил преступление. Личность преступника не раскрывается до самого конца повествования, а его разоблачение становится кульминацией всей книги.

Мне всегда казался ошибочным подобный подход. В реальной жизни знание личности преступника чрезвычайно важно для выявления причин преступления. Однако в художественном произведении, где такие причины не рассматриваются, интерес читателя должен быть прежде всего сосредоточен на неожиданных последствиях самых заурядных поступков, тайных причинно-следственных связях и вычленении решающих улик из множества фактов, на первый взгляд не относящихся к делу. Читатель прежде всего задается вопросом «Как было раскрыто преступление?», а не «Кто его совершил?». Иными словами,

пытливый читатель в большей степени интересуется процессом, а не конечным результатом.

Однотипность всех детективных историй, где читатель узнает истину лишь в финале, побудила меня задать себе вопрос: возможно ли написать детектив, где читатель становится свидетелем преступления и узнает факты, на которых потом строится следствие? Сохранится ли интрига, если читатель будет заранее обо всем осведомлен? Мне казалось, что это никак не повлияет на его интерес к произведению, и в качестве эксперимента, призванного проверить мою правоту, я написал рассказ «Дело Оскара Бродского», где повествование как бы перевернуто и читатель с самого начала находится в курсе происходящих событий, в то время как сыщик пребывает в полном неведении и вся интрига держится на неожиданном значении самых тривиальных обстоятельств.

Знаток по обе стороны Атлантики, включая редактора «Пирсонс мэгэзин», встретили такой подход с энтузиазмом, предложив мне написать еще несколько подобных историй.

Я написал еще три и объединил их в одну книгу, добавив туда вполне традиционный рассказ, чтобы читатели могли оценить достоинства обоих способов повествования.

Моряки, вероятно, заметят, что я позволил себе вольность, заменив плавучий маяк на отмели Гедлер свайным, что не соответствует действительности. Я отмечаю данный факт, желая избежать лишней критики и избавить читателя от необходимости указывать на мою ошибку.

Часть I

ДЕЛО ОСКАРА БРОДСКОГО

Глава 1

МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

О совести наговорили множество всякого вздора. С одной стороны, существует такое понятие, как угрызения совести (или «приступы раскаяния»); с другой — имеется так называемая сговорчивая совесть, причем считается, что человеческое счастье или несчастье можно описать этими двумя понятиями. Грань между ними не всегда бывает четкой: при особо неблагоприятных обстоятельствах самая негибкая совесть может дать слабину, а колеблющаяся совесть, наоборот, приобрести несвойственную ей твердость. Есть и такие везунчики, вообще не имеющие совести, что дает им неоспоримые преимущества перед простыми смертными.

Примером мог служить Сайлас Хиклер. Глядя в веселое круглое лицо, светившееся доброжелательностью и постоянно озаряемое улыбками, вряд ли кто-то заподозрил бы в нем преступника. И менее всего его почтенная набожная экономка, ежедневно наблюдающая, как он с самым добродушным видом насвистывает веселые мелодии

и с отменным аппетитом поглощает все, что ему подают за столом.

И все же главным источником его скромного, но вполне приличного дохода были виртуозные кражи со взломом. Рискованное ремесло с непредсказуемым исходом, однако при разумном подходе и определенной умеренности его опасность можно свести до минимума. А Сайлас являлся человеком благоразумным. Работал всегда в одиночку и планировал свои вылазки самостоятельно. Сообщников избегал, так что в случае чего свидетельствовать против него было некому и никто не бежал в припадке мстительности с доносом в Скотленд-Ярд. В отличие от большинства преступников его нельзя упрекнуть ни в алчности, ни в расточительности. Знал меру и срывал свой куш не слишком часто, все заранее продумывал, совершал набеги втайне, а выручку благонамеренно вкладывал в хозяйство.

Раньше Сайлас занимался торговлей бриллиантами, да и сейчас иногда совершал небольшие сделки. Его подозревали в нелегальной торговле бриллиантами в обход «Де Бирс», а кое-какие нескромные дилеры даже позволяли себе шепотком произносить зловещее словосочетание «скупка краденого». Но Сайлас, благодушно улыбаясь, продолжал гнуть свою линию. Он проявлял разумную осторожность, а его клиенты в Амстердаме были не слишком любопытны.

Таким являлся Сайлас Хиклер. Прогуливаясь по своему саду в сумраке октябрьского вечера, он

выглядел типичным представителем среднего класса, скромным, но вполне преуспевающим. На нем был дорожный костюм, который он обычно надевал, совершая свои маленькие путешествия на континент. Во внутреннем кармане жилета лежал пакетик с бриллиантами, купленными в Саутгемптоне вполне легально, но без неуместных вопросов. Другой, гораздо более ценный, спрятан в каблуке правого ботинка. На диване в гостиной стоял собранный саквояж. Через полтора часа Сайлас должен был сесть в поезд и пересечь на пароме Ла-Манш, а пока он коротал время, бродя по увядающему саду и размышляя, куда вложить деньги от предстоящей сделки. Его экономка уехала в Велхэм за покупками и вернется не раньше одиннадцати. Он был один и немного скучал.

Сайлас уже собирался закончить прогулку и вернуться в дом, когда уловил звук шагов по грунтовой дороге, проходящей за его садом. Он остановился и прислушался. Поблизости не было никакого жилья, и дорога терялась на пустыре за домом. Какой-то посетитель? Вряд ли. К Сайласу Хиклеру редко навевывались гости. Шаги приближались, все громче отдаваясь на твердой каменной тропе.

Сайлас подошел к калитке и с любопытством выглянул наружу. Отблеск от зажженной сигареты на мгновение высветил мужское лицо. Затем из темноты выступила смутная фигура и, приблизившись к калитке, остановилась. Незнакомец вынул изо рта сигарету и, выпустив облачко дыма, спросил:

— Скажите, эта дорога выведет меня к станции Бедхэм?

— Нет, но там дальше есть тропинка, по которой вы пройдете к станции.

— Тропинка, — проворчал незнакомец. — Я уже по ним находился. Пошел по дороге в Кэт-ли, чтобы добраться до станции, а потом какой-то осел подсказал мне короткий путь, и в результате я уже полчаса плутаю в темноте. К тому же я плохо вижу.

— А вы на какой поезд?

— Семь пятьдесят восемь.

— Мне тоже на него, но я собираюсь выходить только через час. До станции всего три четверти мили. Если хотите, можете зайти, тогда мы отправимся вместе, и вы уж точно не заблудитесь.

— Вы очень любезны, — поблагодарил незнакомец, взглянув через очки на темный дом. — Но... я думаю...

— Уж лучше здесь ждать, чем на станции, — радушно заявил Сайлас, широко распахивая калитку.

Чуть поколебавшись, незнакомец вошел и, отбросив сигарету, последовал за хозяином к дому.

В гостиной было темно, и лишь у стены чуть светился догорающий камин. Сайлас поднес спичку к газовой лампе, свисавшей с потолка. Заплясавшее пламя осветило комнату, и мужчины с любопытством оглядели друг друга.

«Бродский, ей-богу, он! — пронеслось в голове у Хиклера. — Не узнал меня, да и немудре-

но — после стольких-то лет, да и подслеповат старик».

— Присаживайтесь, сэр, — произнес он. — Может, подкрепимся, чтобы скоротать время?

Пробормотав что-то в знак согласия, Бродский положил на стул серую фетровую шляпу, поставил саквояж на край стола и, прислонив к нему зонт, опустился в небольшое кресло.

— Как насчет печенья? — предложил Хиклер, ставя на стол бутылку виски, сифон и свои лучшие хрустальные стаканы.

— Благодарю вас, не откажусь. Учитывая предстоящую поездку и после всех этих блужданий...

— Да, — согласился Сайлас. — Не дело пускаться в дорогу на голодный желудок. Вы не возражаете против овсяного печенья? Ничего другого у меня нет.

Бродский поспешил уверить, что очень любит овсяное печенье, и в подтверждение своих слов стал с аппетитом его поглощать, предварительно плеснув себе изрядную порцию виски. Ел он сосредоточенно и с увлечением, размеренно пережевывая каждую порцию, что никак не способствовало взаимной беседе, так что говорить пришлось в основном Сайласу, который первый раз в жизни почувствовал себя неуверенно. Было бы вполне естественным побеседовать о предстоящей поездке и ее целях, но именно этого Хиклер старался избежать. Он прекрасно знал, куда и зачем едет его гость, а интуиция подсказывала, что эту осведомленность лучше не показывать.

Бродский, известный торговец бриллиантами, вел свой бизнес с размахом. Скупал необработанные алмазы и считался в этой области большим знатоком. Особую слабость питал к камням необычной формы и размеров. Собрав очередную партию, сам отвозил ее в Амстердам и контролировал огранку. Будучи в курсе его дел, Хиклер ни минуты не сомневался, что Бродский едет в очередной вояж и в его потрепанной одежде спрятан бумажный пакетик с алмазами, стоивший несколько тысяч фунтов.

Бродский продолжал монотонно жевать, не вступая в беседу. Хиклер, сидевший напротив, говорил с нервной оживленностью, не спуская с гостя приветливого взгляда. Ведь он сам специализировался на драгоценных камнях, прежде всего на бриллиантах. Столового серебра избегал — оно было слишком громоздким, к золоту, за исключением монет, прикасался редко, главным предметом его промысла являлись камни, которые без труда умещались в каблучке ботинка и могли быть реализованы без особых проблем. И вот теперь перед ним сидел человек, спрятавший в кармане пакетик, стоимость которого была не меньше дюжины его собственных уловов. Сколько же за него можно выручить? Хиклер взял себя в руки и быстро, хотя и несколько отвлеченно, заговорил. В голове у него бурлил поток мыслей, никак не связанных с его словесными рассуждениями.

— По вечерам стало холодать, — заметил он.

— Да, — кивнул Бродский и продолжил медленно двигать челюстями, громко дыша через нос.

«Тысяч пять по меньшей мере, — размышлял Хиклер. — А может, и все десять».

Он заерзал на стуле и попытался сосредоточиться на чем-то другом. Его рассудок повел себя довольно странно, и он с неудовольствием отметил это новое для себя состояние.

— Вы не интересуетесь садоводством? — спросил Сайлас.

Помимо бриллиантов и собственных доходов он имел еще одну слабость — фуксии.

Бродский издал слабый смешок.

— Разве что бываю на Хаттон-Гарден*... — Чуть запнувшись, добавил: — Я ведь живу в Лондоне.

От Сайласа не укрылась эта короткая заминка, и он с легкостью объяснил ее. Человек, везущий с собой целое состояние не совсем легального свойства, должен быть осторожен в высказываниях.

— Да, подобное занятие не для лондонца, — рассеянно обронил он, занявшись мысленными подсчетами.

Предположим, камни потянут на пять тысяч фунтов. Какой недельный доход они могут обеспечить? Его последние объекты принесли ему по двести пятьдесят фунтов каждый, и эти средст-

* Квартал, где сосредоточены лондонские ювелирные магазины. — *Здесь и далее примеч. пер.*